

— П-ф-ф-ф! — не смогла удержаться от смеха Сун Чжаоди. — Капитан Чжун, если вам нечего делать, идите умойте Эрву и Санву и вымойте им руки, а потом сядем ужинать.

Чжун Цзяньго смутился. Он посмотрел на старшего сына, который нес маленькую корзинку, а затем на улыбающуюся Сун Чжаоди:

— Когда вы двое успели так хорошо поладить?

— Ты не поверишь, даже если я скажу правду. Ты человек с болезненной подозрительностью, которую невозможно вылечить, — Сун Чжаоди поставила поднос с жареными хризантемами на обеденный стол, и Чжун Цзяньго тут же протянул к ним руку. Девушка поспешно напомнила:

— В тарелке одиннадцать хризантем. Твой старший сын пересчитал их на пальцах. Если ты не подождешь его возвращения и потянешься к ним, то он начнет жаловаться, что ты стал отчимом.

Чжун Цзяньго резко отдернул руку и подхватил Эрву:

— Эрва, что ты ел на обед?

— Зеленую лапшу и яйца. — Эрва понял, что его старший брат прислушивается к мачехе, и больше не беспокоился, что его накажут за то, что он отдал предпочтение ей, поэтому начал говорить все, что у него было на уме: — Яйца вкусные, лапша очень вкусная. Папа, мне нравится лапша моей мачехи.

— Сун Чжаоди, Эрва тоже пил твой колдовской суп? — потрясенно спросил мужчина.

— Малыш, колдовской суп вкусный? — Сун Чжаоди проигнорировала Чжун Цзяньго и обратилась сразу к ребенку на его руках.

Во взгляде мальчика мелькнула растерянность:

— Что такое колдовской суп? Папа, колдовской суп вкусный?

— Невкусный. — Чжун Цзяньго почти поперхнулся и сказал: — Он невкусный. Люди, которые пьют колдовской суп, станут глупыми.

— Я не хочу пить колдовской суп! — воскликнул Эрва. — Папа, я голодный. Я хочу есть лапшу, зеленую лапшу.

— Теперь-то поверишь, — Сун Чжаоди провоцирующе приподняла бровь и посмотрела на Чжун Цзяньго.

— Могу ли я узнать, где ты купила зеленую лапшу? — Чжун Цзяньго не хотел этому верить, но его сын произнес такие необычные слова, что ему трудно было не принять их во внимание.

Сун Чжаоди коротко все объяснила, в том числе как делать хризантемы, и наконец сказала:

— Утка на плите, давай принесем ее. Дава как раз должен вернуться.

Стоило ей сказать это, как в дверях показался старший ребенок. Увидев, что он с трудом тащит корзинку, Сун Чжаоди поспешно подошла и помогла ему войти.

— Тетя Дуань не захотела их?

— Тетя дала мне два соленых утиных яйца и две дыни, — лицо Давы покраснело и светилось от радости. — Еще она сказала «спасибо».

— Что ж, я принимаю благодарность. Мы с твоим отцом съедим соленые утиные яйца, ты и Эрва — дыню, но уже завтра. Сегодня мы съедим утиные ножки.

— Я хочу есть цветы, — сказал Дава.

Желтые хризантемы, посаженные во дворе семьи Чжун, были очень маленькими, чуть больше перепелиных яиц. Сун Чжаоди на некоторое время задумалась:

— Сначала вы с братом съедите по половине паровой булочки и баклажану, и я согласна, чтобы вы съели по пять цветков каждый. А я съем один.

— А как же папа? — деловито спросил Чжун Дава.

— Твоему отцу такое не нравится. Он любит есть баклажаны и соленые утиные яйца.

— Я... — Чжун Цзяньго хотел сказать: «Я должен попробовать, даже если мне это не нравится», но увидел, как его старший сын пытается сохранять невозмутимое выражение лица перед Сун Чжаоди, и усмехнулся:

— Точно, я не люблю есть цветы.

В конце концов, Дава был юн и думал лишь о цветах, которые он мог бы съесть, поэтому он не заметил беспомощного взгляда отца, а обрадовался и пошел к паровым булочкам.

— Иди вымой руки, — быстро остановила его Сун Чжаоди.

— Хорошо, — Дава развернулся и без всякого возмущения выбежал на улицу.

— Ты и правда хороша! — Чжун Цзяньго посмотрел на Сун Чжаоди сложным взглядом.

— Папа, перестань говорить, я хочу вымыть руки, — Эрва похлопал отца по плечу. — Я хочу есть цветы.

Чжун Цзяньго беспомощно вздохнул:

— Хорошо, папа отнесет тебя помыть руки.

Выйдя на улицу, он спросил своего старшего сына, который энергично качал воду:

— Ты принимаешь эту мачеху?

— Принимаю, — без колебаний ответил Дава.

— Как ты так быстро принял ее, ведь еще вчера ты говорил, что она плохая женщина? — продолжил спрашивать мужчина.

Дава посмотрел на Чжун Цзяньго, не понимая, почему отец спрашивает об этом, и на мгновение задумался:

— Папа сказал мне принять мачеху, и я послушал папу.

Чжун Цзяньго задохнулся, подумав, что еще никогда не видел этого ребенка таким послушным.

— Раз тебе так нравится твоя мачеха, не называй ее все время «она, она, она», а называй мамой. Сможешь?

— Смогу.

Ребенок подумал три секунды и, вытерев свои маленькие ручки, сказал:

— Папа, я пойду есть.

Не дожидаясь ответа Чжун Цзяньго, он побежал в сторону дома.

Эрва вырвался из рук отца, опустил руки в ведро и энергично поболтал ими в воде:

— Папа, все готово. Я пойду есть.

— Подожди, грязь с твоих рук не смыва, — Чжун Цзяньго быстро схватил его. — У папы есть основания подозревать, что, если папа уйдет на десять дней, вы, трое братьев, станете сыновьями только Сун Чжаоди.

— Папа, ты уезжаешь? — поспешно спросил Эрва.

— Хочешь уехать?

Колодец стоял совсем рядом с домом. Чжун Цзяньго намеренно не говорил тише, и Сун Чжаоди только хотела сказать, что он мелочный, но из-за вопроса Эрвы ей расхотелось придирается к мужчине.

Чжун Цзяньго вытер руки сына и отнес его в комнату:

— Командир дивизии решил, что раз ты только что прибыла сюда и ни в чем не разбираешься, то лучше послать пока другой полк.

— Действительно хочешь пойти на войну?

В предыдущей жизни Сун Чжаоди родилась в год начала нового тысячелетия. Когда она выросла, Китай был настолько могущественным, что никто не осмеливался задирать их, так что жители Китая чувствовали, что война очень далека от них. Услышав про шпионаж людей с другого берега, Сун Чжаоди не особо приняла это во внимание. Но, побыв на острове всего один день, она заметила, как мимо дома время от времени проезжали джипы с очень занятыми военными внутри. Только тогда она поняла, что Чжун Цзяньго не преувеличивал.

— Когда ты отправишься?

— Нет никакой войны, — ответил Чжун Цзяньго. — Армия на всякий случай отправляет военные корабли для патрулирования моря. Мы не можем понять, насколько продвинуто американское оружие и насколько мощно оружие, купленное у американцев лао Цзяном. Мы можем только каждый день предпринимать меры предосторожности.

— У американцев очень мощное оружие, — задумчиво пробормотала Сун Чжаоди. — Похоже, у них есть десантные корабли.

Руки Чжун Цзяньго сжались.

— Папа, мне больно, — Эрва попытался разжать его пальцы.

— Прости, папа не хотел, — Чжун Цзяньго пришел в себя. — Дава, что только что сказала твоя мама? Сначала ешь паровые булочки и баклажаны, а потом ешь свои цветы.

— Я съел, — Дава указал на булочку, от которой он откусил кусочек.

Булочки, приготовленные Сун Чжаоди, были очень большими, и Чжун Цзяньго не стал усложнять сыну задачу. Он разломил булочку пополам, распределив обе части между двумя сыновьями.

— Доедайте. Иначе отныне никто из нашей семьи не будет делать цветы.

Дава подсознательно посмотрел на Сун Чжаоди.

Чжун Цзяньго проследил за взглядом сына и хотел подмигнуть Сун Чжаоди, когда услышал, как она сказала:

— Я слушаю твоего отца.

— Ты не ребенок, — надулся Дава.

— Но твой отец на восемь лет старше меня, выше и сильнее меня. Я не смею ослушаться его, — не удержалась от смеха девушка.

Дава схватил паровую булочку и откусил, как бы соглашаясь со словами Сун Чжаоди.

Чжун Цзяньго был сильно потрясен.